

В. А. НЕВЕЖИН

«Если завтра в поход...»

<Фрагменты>

<...> Вакханалия разрушений времен Гражданской войны и периода большевистской кампании по уничтожению памятников ненавистной царской эпохи, к счастью, не затронула Большой Кремлевский дворец. Именно здесь в начале 1930-х гг. стали практиковаться завтраки, которые устраивались от имени Реввоенсовета СССР — коллегии Наркомата по военным и морским делам. Председателем РВС в 1924–1934 гг. являлся народный комиссар по военным и морским делам, ближайший соратник Сталина (в прямом и переносном смысле) К. Е. Ворошилов.

Ежегодно 1 мая (в день Международной солидарности трудящихся) на Красной площади устраивались своеобразные смотры боевой выучки и технической оснащенности бойцов и командиров Красной Армии — грандиозные военные парады. Также ежегодно, в начале мая в Кремле происходила церемония очередного выпуска слушателей военных академий. К началу 1930-х гг. вошло в обычай приглашать участников первомайских парадов, а вслед за ними и выпускников военных академий («военных академиков») в Кремль на завтраки, сопровождавшиеся небольшой концертной программой. Участники парада удостаивались такой чести на другой день после его проведения (2 мая). «Военные академики», присутствовавшие на торжественной церемонии выпуска, заполняли парадные залы Большого Кремлевского дворца сразу по завершении ее официальной части (как правило, она происходила 4 либо 5 мая). Здесь и устраивались застолья. В непринужденной обстановке красноармейцы и командиры имели возможность общаться с руководителями большевистской партии и советского правительства.

Инициатором организации завтраков в Кремле для рядового и командного состава Красной Армии являлся К. Е. Ворошилов, который в начале 1930-х фактически играл на них роль полноправного хозяина. Сталин, другие члены Политбюро ЦК, представители советского руководства были на этих застольях гостями, хотя и почетными. Они оставались на «ворошиловских завтраках» лишь на 2–3 часа (застолья, начинавшиеся в полдень, продолжались, как правило, до 17 часов), а затем, не дожидаясь окончания, удалялись.

В то же время Сталин не упускал возможности прямого общения с представителями военной элиты на этих кремлевских застольях, для того чтобы изложить собственное видение перспектив развития Вооруженных Сил. Особый интерес представляет краткая сталинская застольная речь, обращенная к участникам первомайского парада, собравшимся в Большом Кремлевском дворце 2 мая 1933 г.¹ В ней русская нация была названа «основной национальностью мира», поскольку именно она внесла наибольший вклад в дело создания большевистского государства. Сталин позволил себе небольшой экскурс в прошлое, упомянув о том, что русские иногда терпели поражения в сражениях со своими противниками. Советская власть, подчеркнул он, делает все для усиления боеспособности своих Вооруженных Сил. Сталин выразил уверенность в том, что если снабдить русских, которых он рассматривал как передовую, талантливую нацию, современными танками, боевой авиацией, создать мощный военно-морской флот — они будут непобедимы.

Позднее, 2 мая 1934 г., советский вождь вновь обратился к представителям военной элиты на очередном «ворошиловском завтраке» в честь участников праздничного парада на Красной площади. На встречу «вождей партии и членов правительства с участниками первомайского парада» в Кремль прибыло около 2000 чел., представлявших все рода войск. В своем застольном выступлении 2 мая 1934 г. Сталин последовательно высказал пожелание крепить боевую мощь в адрес танкистов, артиллеристов, пехотинцев. Особого внимания вождь удостоил военных летчиков. Авиаторы в большом количестве были представлены на упомянутом кремлевском застолье. Накануне, 1 мая, более 500 боевых самолетов участвовало в параде. За штурвалом тяжелого флагманского бомбардировщика ТБ-3 находился начальник ВВС РККА Я. И. Алкснис, который удостоился персональной похвалы со стороны вождя.

На завтраке в Кремле 2 мая 1934 г. Сталин изложил свое видение перспектив развития советской военной авиации, которая уже прошла стадию становления. Вождь выразил надежду на то, что в ближайшем будущем удастся добиться увеличения показателей скорости и высотности у советских бомбардировщиков ближнего действия, истребителей и самолетов-разведчиков. Он также указал на необходимость совершенствования тактико-технических данных дальней авиации. Обращаясь к Алкснису, Сталин призвал его «драться» за выполнение этой задачи «по-настоящему».

Затем Сталин отметил те личные качества, которыми, по его мнению, должны обладать авиаторы. Говорил о необходимости воспитания у них не просто смелости, а «расчетливой большевистской храбрости», сочетания твердого знания боевой техники с глубоким пониманием законов природы, способности овладеть этими законами. Некоторые летчики, подчеркнул далее Сталин, в аварийной ситуации стремятся в первую очередь спасти не себя, а вверенную машину, «считают позорным пользоваться парашютом». И заявил, что человеческая жизнь, жизнь летчика, гораздо ценнее сотен самолетов.

В июне 1934 г. Реввоенсовет СССР был упразднен, а Наркомат по военным и морским делам переименован в Наркомат обороны СССР, который возглавил К. Е. Ворошилов...

... в конце апреля 1935 г. высший партийный орган принял два важнейших постановления, фактически узаконивших уже сложившуюся традицию организации застолий для командного и рядового состава Красной Армии. Во-первых, значительно повысился их статус. Подобного рода застолья официально стали именоваться приемами. В постановлении Политбюро было зафиксировано, что отныне не Наркомат обороны, а исключительно руководство большевистской партии и советского правительства во главе со Сталиным могло выступать в роли организаторов и хозяев, т. е. принимать представителей военной элиты.

Во-вторых, решениями Политбюро от 27 и 28 апреля 1935 г. окончательно определялось место проведения подобных приемов — Большой Кремлевский дворец.

Центральная печать соответствующим образом отреагировала на важные изменения статуса кремлевских застолий. Например, «Правда» поместила следующую информацию: «2 мая, в 6 часов вечера, в залах Большого Кремлевского дворца состоялся прием участников парада, устроенный Центральным Комитетом ВКП(б)

и правительством СССР». Отчет об этом застолье был помещен в газете под характерным заголовком: «Участники первомайского парада на приеме в Кремле 2 мая 1935 г.». Позднее газетой подробно описывался «прием выпускников военных академий РККА, устроенный Центральным Комитетом ВКП(б) и правительством Союза ССР» 7 мая 1939 г.

С мая 1935 г. по май 1941 г. было проведено 14 банкетов в честь представителей советской военной элиты. 2 мая 1935 г., 2 мая 1936 г., 2 мая 1937 г., 2 мая 1938 г., 5 мая 1939 г., 2 мая 1940 г. и 2 мая 1941 г. в роли гостей на них выступали участники первомайских парадов; 8 ноября 1938 г., 8 ноября 1939 г. и 8 ноября 1940 г. — участники парадов в честь очередной годовщины Октябрьской революции. 4 мая 1935 г., 5 мая 1936 г., 7 мая 1939 г., 5 мая 1941 г. большие кремлевские приемы устраивались в честь выпускников военных академий.

Гостями на банкетах становились лучшие из тех, кто участвовал в первомайских парадах, преимущественно люди, сделавшие службу в Красной Армии или в Военно-Морском Флоте своей профессией. В то же время неизменно соблюдался один основополагающий принцип подобного отбора: приглашавшиеся на прием в Кремль представляли все рода войск. Как предписывало вышеупомянутое постановление Политбюро от 27 апреля 1935 г., на сталинских застольях в Большом Кремлевском дворце неизменно присутствовали: летчики, танкисты, артиллеристы, пехотинцы, кавалеристы, моряки. Центральные газеты отмечали, что на прием 2 мая 1935 г. были приглашены представители «всех родов оружия» — более 1700 «красноармейцев и командиров».

Аналогичную задачу отбора наиболее достойных приходилось решать и в случае с участниками традиционных кремлевских приемов для выпускников военных академий РККА. В 1935 г. их количество достигло 1076 чел., в следующем году — превысило 2000 чел., а в дальнейшем продолжало неуклонно расти. На банкетах в количественном отношении преобладали те, кто прошел обучение в Москве. А «военные академики» из других городов СССР были представлены немногочисленными группами слушателей, окончивших курс обучения с отличием.

В мае 1935 г. Сталин дважды выступал на больших кремлевских приемах в честь представителей военной элиты. 2 мая он присутствовал на банкете для участников первомайского парада. Ответственный редактор газеты «Известия» Н. И. Бухарин по-

святил передовую статью этому знаменательному событию. В ней содержались восторженные эпитеты в адрес Сталина и его ближайшего окружения. Вот, например, как описывал Н. И. Бухарин появление «советского вождя и его соратников» в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца: «И вдруг рукоплескания, которые нарастают, как буря, покрывают все, переходят в ураган, в гром, в бушующую стихию радости и восторга. Это входят члены Политбюро и союзного правительства во главе со Сталиным, к которому несутся со всех сторон приветственные клики почти двухтысячной массы бойцов». В бухаринской заметке передавался весь апофеоз грандиозного действия, развернувшегося 2 мая 1935 г. в Большом Кремлевском дворце: «Подымается с места вождь, за ним идут его соратники: члены ЦК и правительства обходят все залы... Десятки рук тянутся к Сталину. Они поднимают его на стол (sic! — *В. Н.*), сперва в одной, потом в другой, потом в третьей зале — ибо необозрима масса бойцов... Бойцы теснятся вокруг него, точно хотят физически прикоснуться к нему, почувствовать всю силу того мощного заряда ума, энергии, воли, которые излучаются во все стороны от этого удивительного, горячо любимого человека. Человеческие волны подхватывают его...».

В конце приема, обращаясь к представителям военной элиты, Сталин провозгласил здравицу в честь бойцов и командиров всех родов войск. Он предложил тост «за здоровье бесстрашных подводников, метких артиллеристов, отважных танкистов, мужественных летчиков... отважных кавалеристов, смелых, закрепляющих победу пехотинцев».

Большой резонанс имела сталинская застольная речь перед выпускниками военных академий РККА, произнесенная 4 мая 1935 г. на приеме в Кремле выпускников военных академий, основное содержание которой отражено в знаменитом лозунге «Кадры решают все!». Может возникнуть закономерный вопрос: почему, обращаясь к выпускникам военных академий, Сталин в этом выступлении сосредоточился главным образом на проблеме «воспитания кадров» и подробно охарактеризовал состояние советской экономики? Действительно, лишь в заключительной части своей пространной речи он наконец предложил выпить за «высшие командные кадры» Красной Армии, пожелав им всяких успехов в деле организации обороны страны. Ответ прост: среди тысячи с небольшим выпускников военных академий 1935 г. более половины являлись инженерами, из которых 80% направлялись

не в войска, а на работу в промышленности. В своем приветствии, обращенном к ним, М. И. Калинин, в частности, подчеркнул: «...вы, товарищи, являетесь не просто инженерами, а военными инженерами».

Объясняя «военным академикам», почему его речь столь пространна, Сталин прямо заявил, что ранее два или три раза отсутствовал на их традиционном выпуске в Кремле и теперь желает «наверстать упущенное». Следует обратить внимание и на следующее обстоятельство. Сталину, скорее всего, необходима была привычная аудитория, основу которой составляли представители элиты Красной Армии, чтобы на кремлевском приеме обратиться к ним с программным выступлением, которое (к сожалению, данный факт предан забвению в некоторых исторических исследованиях) приняло форму основополагающей застольной речи.

Помимо всего прочего, эту застольную речь можно считать инаугурационной, т. е. фиксирующей завершающий этап утверждения Сталина как единоличного вождя партии и государства. На международной арене к тому времени также удалось достичь несомненных успехов, которые закрепил советско-французский договор от 2 мая 1935 г. И Сталин надеялся не просто лишний раз продемонстрировать единство соратников по партии. Возможно, он желал также убедиться в реальном существовании единения его, как вождя, с массами. Кремлевский прием 4 мая 1935 г. показал, что почва для подобного единения существует.

Предварительно отредактированный текст сталинского выступления перед выпускниками военных академий («Кадры решают все!») неоднократно публиковался и стал одним из основополагающих в пропагандистской работе среди личного состава Красной Армии... Из справки Партиздата от 4 февраля 1938 г., представленной в ЦК, следует, что только в 1937 г. вышеупомянутый текст неоднократно переиздавался общим тиражом 50000 экз.

С мая 1935 г. по май 1941 г. Сталин неизменно присутствовал на всех больших кремлевских приемах в честь представителей военной элиты (участников праздничных парадов и выпускников академий РККА). Однако после знаменитой речи «Кадры решают все!» вплоть до 5 мая 1941 г. он больше ни разу не выступил перед ними на такого рода застольях с основополагающими речами.

Данный «пробел» с лихвой возмещался неоднократными выступлениями на различных совещаниях и партийных форумах. Так, в ходе февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. Сталин

счел необходимым уделить внимание и вопросу о неизбежности вооруженного столкновения с «капиталистическим окружением». Он напомнил, в частности, что советская власть победила лишь в СССР, который занимал 1/6 суши, и что остальные ее 5/6 «составляют владения капиталистических государств». В этой связи Сталин выступил с критикой в адрес тех большевиков, которые, увлекшись хозяйственным строительством, забыли о существовании «капиталистического окружения», назвав его основным фактором, определяющим международное положение Советского Союза, имеющим «первостепенное значение» для судеб страны.

Советский лидер был уверен, что нападения на СССР со стороны «буржуазных стран» можно ожидать в любой момент. Последние, по его словам, только и ждут удобного случая для начала интервенции против Советского Союза с целью «разбить его или, во всяком случае, подорвать его мощь или ослабить его». Именно с этим и связывал он, если судить по содержанию его выступления на февральско-мартовском пленуме 1937 г., активизацию «вредителей, шпионов и убийц», которые засылались в СССР извне либо вербовались иностранными разведками внутри страны. Ведь все они, делал вывод Сталин, обычно приурочивали свою «главную работу» именно «к периоду кануна войны или самой войны».

<...>

На первый взгляд, в череде «внешних врагов», образы которых столь активно использовались в советских пропагандистских материалах рубежа 1930–1940-х гг., не оставалось места для Германии и германского фашизма. Подобная версия представляется основательной с учетом широко распространенной в мемуарной и исследовательской литературе версии о том, что Сталин безоглядно верил в надежность пакта о ненападении с Гитлером. Однако приверженность (если таковая вообще имела место) договору о ненападении не мешала ему сохранять враждебное отношение к Германии <...>.

<...> После визита советской делегации во главе с В. М. Молотовым в Берлин 12–13 ноября 1940 г. антигерманские настроения советского руководства стали усиливаться. Если верить свидетельству управляющего делами СНК СССР Я. Е. Чадаева, вечером 14 ноября на даче Сталина было заслушано сообщение главы советского правительства и наркома иностранных дел В. М. Молотова об итогах переговоров в Берлине. Сталин заявил тогда, что Гитлер «не желает считаться с законными интересами Советского Союза»,

а также выступил с гневным обличением внешней и внутренней политики фюрера, идеологии национал-социализма <...>.

<...> С осени 1940 г., когда взаимоотношения СССР с Германией стали осложняться, советская пропаганда все активнее стала использоваться в качестве орудия идеологического противоборства с немцами, хотя и приглушенного в условиях действия пакта о ненападении и договора о дружбе и границе <...>.

<...> Но несмотря на нежелание до поры идти на конфронтацию с Германией, весной 1941 г. в Москве все-таки решили предпринять некоторые завуалированные антигерманские акции. В марте Сталинской премии удостоились создатели художественного фильма «Александр Невский» (1938 г.). Как уже отмечалось, этот фильм, носивший ярко выраженную антинемецкую направленность, был снят с экрана после подписания известных соглашений между СССР и Германией от 23 августа и 28 сентября 1939 г.

В газете «Правда» в связи с высокой наградой, которой удостоились создатели картины, появилась статья о творчестве С. М. Эйзенштейна, содержащая его высокую оценку. В апреле 1941 г., когда возникла напряженность в связи с балканскими событиями, кинолента вновь появилась в прокате. Присуждение ей Сталинской премии было воспринято как антигерманская акция.

В марте — апреле 1941 г. ТАСС начал непосредственную подготовку к пропагандистской войне против ведомства Геббельса <...>.

<...> В начале апреля 1941 г. в пропагандистских материалах, предназначенных для личного состава Красной Армии, стала проводиться на основе исторических аналогий идея, что русские войска имеют большой опыт побед над немцами. В подписанном в печать 8 апреля 1941 г. номере журнала «Политучеба красноармейца» появилась статья, которая начиналась таким утверждением: «Активный наступательный дух русских воинов ярчайшим образом проявлялся в благородном стремлении сойтись с врагом лицом к лицу и сокрушительным ударом уничтожить его живую силу...». Этот основной тезис иллюстрировался описанием Ледового побоища 1242 г., Грюнвальдской битвы 1410 г., в которой немецких захватчиков «били, как отмечают летописи, на их же территории».

Наконец, приводились данные о наступательной операции русских войск на Юго-Западном фронте в период Первой мировой войны, так называемом «Брусиловском прорыве» (1916 г.), в результате которого было нанесено поражение германской и австро-венгерской армиям.

22 апреля 1941 г., в день рождения В. И. Ленина, в Кремле был организован прием участников декады таджикского искусства. Сталин выступил на приеме с небольшой речью², в которой, в частности, акцентировал внимание на особенностях большевистской политики в области национальных отношений. По его словам, Ленин создал партию, которая придерживалась совершенно «новой идеологии» дружбы и равенства народов, противостоящей «старым, отжившим идеологиям расовой и национальной вражды».

Эти сталинские слова были с обостренным интересом восприняты в среде советских «идеологических работников». Так, В. В. Вишневский отметил в дневнике, что в выступлении Сталина «говорилось о Ленине, о новой идеологии, о братстве народов, о губительной и мертвой идеологии расизма». Вишневский отметил для себя, что основное содержание сталинской речи 22 апреля 1941 г. было отражено в публикациях газеты «Правда». Действительно, 1 мая в ней появилась передовая статья, в которой, в частности, утверждалось: «Советский Союз — это страна, где... выброшена на свалку истории мертвая идеология, делящая людей на «высшие» и «низшие» расы» <...>.

<...> Гитлер был крайне недоволен действиями Сталина весной 1941 г. В беседе с министром иностранных дел Риббентропом он заявил, что советско-югославский пакт — «ярко выраженный афронт Германии», явный отход от Договора о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. В конце апреля 1941 г. Гитлер принял в Вене Шуленбурга и поведал ему о своих опасениях относительно сближения СССР и Югославии. По мнению фюрера, оно служит ему предостережением. Произошедший переворот в Белграде и договор от 5 апреля 1941 г. Гитлер привел в пример ненадежности Советского Союза как партнера Германии. Все это подталкивало его к форсированию подготовки войны против СССР. Во время аудиенции в Вене 28 апреля фюрер заявил Шуленбургу, что после заключения соглашения между Югославией и СССР у него возникло такое чувство, что СССР намерен припугнуть Германию. Кроме того, Гитлер мало верил в эффективность советских поставок, оговоренных в хозяйственных соглашениях с Советским Союзом, поскольку считал, что эти поставки ограничивались транспортными возможностями.

В Москве ходили упорные слухи, что участвовавшие в праздничном первомайском параде войска направятся в Минск, Ленин-

град и на польскую границу. Разговоры о приближающейся войне с начала апреля 1941 г. стали фиксироваться и на пограничной с СССР территории. Среди населения генерал-губернаторства (немецкой части Польши), наблюдавшего за передвижениями и концентрацией германских войск, наиболее устойчивым было предположение о предстоящем нападении Гитлера на Советский Союз. 2 мая 1941 г. Ф. Шуленбург сообщал в Берлин, что совместно со своими коллегами из числа находящихся в Москве сотрудников посольства Германии постоянно борется «со слухами о неминуемом немецко-русском военном конфликте», поскольку они создавали «препятствия для продолжающегося мирного развития советско-германских отношений».

Как уже отмечалось, в сталинской застольной речи на приеме участников декады таджикского искусства был сделан призрачный намек на «губительность» идеологии национал-социализма. С большей определенностью антигерманские мотивы прозвучали в выступлениях Сталина перед выпускниками военных академий РККА 5 мая 1941 г.

<...>

Все вышеизложенное, на наш взгляд, дает основания, во-первых, признать сам факт начала развертывания политико-идеологической кампании под лозунгом наступательной войны, исходным пунктом которой явились выступления Сталина в Кремле перед выпускниками военных академий РККА. Однако говорить о том, что эта кампания была завершена, достигла своей цели, мы, естественно, не можем, поскольку она была прервана начавшейся германской агрессией против СССР.

Трудно отрицать факт начала развертывания в СССР в мае — июне 1941 г. политико-идеологической кампании под лозунгом наступательной войны. В отличие от кампаний 1939–1940 гг., о которых упоминалось выше, когда в роли инициаторов выступали сталинские «соратники» (Молотов, Жданов, Мехлис), а сам вождь оставался как бы «в тени», в мае 1941 г. Сталин публично «озвучил» новые задачи, стоящие перед партийными и армейскими пропагандистскими органами. Секретари ЦК ВКП(б), которые возглавили работу по непосредственному практическому воплощению в практику сталинского лозунга наступательной войны, а также руководство ГУППКА стремились внедрить в сознание руководителей пропагандистских структур РККА, что речь идет о новом, коренном повороте в советской пропаганде.

В то же время говорить о том, что политико-идеологическая кампания, развернувшаяся в мае — июне 1941 г., приняла большие размеры, а тем более достигла своей цели, естественно, нет оснований. Кремль дал «добро» на ее развертывание. Однако в сложнейшей международной обстановке следовало соблюдать строгую конспирацию (прежде всего, в публикациях в открытой печати). Поэтому для развертывания этой кампании на всю мощь политико-пропагандистского аппарата не было возможностей. В конечном счете она была прервана начавшейся 22 июня 1941 г. германской агрессией против Советского Союза. Проекты подготовленных ГУПКА директивных материалов, в основу которых был положен лозунг «наступательной войны», оказались невостребованными и сданы в архив.

<...>

